

Р

34818

Вероника

Тушнова.

Первая
КНИГА
СТИХИ.

издательство ЦК ВЛКСМ
„Молодая гвардия“

1945

ВЕРОНИКА ТУШНОВА

Первая
книга

с т и х и

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1945

818748

**Под редакцией
П. АНТОКОЛЬСКОГО**

К ЧИТАТЕЛЯМ

Просим дать отзыв о содержании книги и ее оформлении. В отзыве укажите свой адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников издательство просит организовать сбор читательских отзывов на эту книгу.

Весь материал направляйте по адресу: Москва, Новая площадь, д. 6/8, изд-во «Молодая гвардия».

Обложка и титул художника Н. Хмелевской

Редактор Б. Евгеньев. Техред. М. Кутузова

Подписано к печати 28/IX 1945 г. А23401.1³/₄ печ. л. 2,9
уч.-изд. л. 64 000 зн. в печ. л. Формат 60×92¹/₂. Тираж 5 000.
Зак. 841. Цена 2 руб.

Тип. Высшей Партийной школы при ЦК ВКП(б),
Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.

1. Короткие рассказы

ХИРУРГ

Н. Л. Чистякову

Порой он был ворчливым оттого,
Что полшага до старости осталось,
Что, верно, часто мучила его
Нелегкая военная усталость.

Но молодой и беспокойный жар
Его хранил от мыслей одиноких —
Он столько жизней бережно держал
В своих ладонях, умных и широких.

И не один, на белый стол ложась,
Когда терпеть и покоряться надо,
Узнал почти божественную власть
Спокойных рук и греющего взгляда.

Вдыхал эфир, слабел и, наконец,
Спеша в лицо неясное взглядеться,
Припоминал, что, кажется, отец
Смотрел вот так, когда-то в раннем детстве.

А тот и в самом деле был отцом
И не однажды с жадностью бессонной
Искал и ждал похожего лицом
В молочном свете операционной.

Своей тоски ничем не выдал он,
Никто не знает, как случилось это, —
В какое утро был он извещен
О смерти сына под Одессой где-то...

Не в то ли утро, с ветром и пургой,
Когда, немного бледный и усталый,
Он паренька с раздробленной ногой
Назвал сынком, совсем не по уставу.

МАТЬ

Она совсем немного опоздала,
Спеша с вокзала с пестрым узелком..
Еще в распахнутые двери зала
Виднелось знамя с золотым древком,
Еще на лестнице лежала хвоя,
И звук литавр, казалось, не погас...

Она прошла с дрожащей головою,
В глухом платке, надвинутом до глаз.
Она прошла походкою незрячей,
Водя по стенам сморщенной рукой.
И было страшно, что она не плачет,
Что взгляд такой горячий и сухой.

Еще при входе где-то, у калитки,
Узнала, верно, обо всем она.
Ей отдали нехитрые пожитки
И славные сыновьи ордена.

Потом старуха поднялась в палату, —
Мне до сих пор слышны ее шаги, —
И молчаливо раздала солдатам
Домашние ржаные пироги.

МУЗЫКА

С утра в конторе щелкала на счетах,
В очках, платком замотана до глаз.
И было в ней от хмурой птицы что-то,
И что-то в ней отпугивало нас.

Мы очень мало знали друг о друге.
Откуда в лазарете эта тень?
Тревожной сводкой начинался день,
Росли морозы, подступали вьюги.

Бывало, что усталость верх брала
И согреваться становилось нечем.
Но я ведь не об этом начала,
Я начала о женщине...

Тот вечер
Был тише и угрюмее других.
Почти стемнело. В коридоре где-то
Стеклянный звук разбился и затих.
И показался на мгновенье светом.

Рояль отвык. В углу закован,
Он весь скрипел и охал от натуги,
Но беспощадно старческие руки
Будили в нем отчаянье и гнев.

И словно хрустнул, расколовшись, лед,
И мраку нет на свете больше места —
Один порыв, один прямой полет,
Все на пути сжигающее presto.

В очках, платком замотана до глаз,
Как будто бы с охрипшей вьюгой споря,
Она до ночи согревала нас
В продрогшем лазаретном коридоре.

...И, робко взяв пьянистку за плечо,
Не отводя от белых клавиш взгляда,
Старик-казах проговорил: «Еще»,
Потом подумал и прибавил: «Надо».

КУКЛА

Много нынче в памяти потухло,
А живет безделица, пустяк:
Девочкой потерянная кукла
На железных скрещенных путях.

Над платформой пар от паровозов
Низко плыл, в равнину уходя...
Теплый дождь шушукался в березах,
Но никто не замечал дождя.

Эшелоны шли тогда к востоку,
Молча шли, без света и воды,
Полные внезапной и жестокой,
Горькой человеческой беды.

Девочка кричала и просила
И рвалась из материнских рук, —
Показалась ей такой красивой
И желанной эта кукла вдруг.

Но никто не подал ей игрушки,
И толпа, к посадке торопясь,
Куклу затоптала у теплушки
В жидкую струящуюся грязь.

Маленькая смерти не поверит,
И разлуки не поймет она...
Так хоть этой крохотной потерей
Дотянулась до нее война.

Некуда от странной мысли деться:
Это не игрушка, не пустяк, —
Это, может быть, обломок детства
На железных скрещенных путях.

* * *

Я знаю — я клялась тогда,
Что буду до конца верна,
Как ни тянулись бы года,
Как долго бы ни шла война.

Что все — с тобою пополам,
Что ты один мне только люб,
Что я другому не отдам
Ни жарких слов, ни верных губ.

С повязкой влажной и тугой
В жару метался тот, другой.
И я, дежурная сестра,
Над ним сидела до утра...

Он руку женскую к груди
Тоскливо прижимал в бреду
И все просил: «Не уходи».
И я сказала: «Не уйду».

А после, на пороге дня,
Губами холоднее льда
Спросил он: «Любишь ты меня?»
И я ему сказала: «Да»!

Я поклялась тебе тогда, —
Но я иначе не могла..
Обоим я сказала «да»
И никому не солгала.

* * *

Мы ждали ее в понедельник, и в среду,
И утром, и в полдень, и после обеда.
Мы ждали до вечера, дотемна,
Мы в окна смотрели — опять не она.

На улице ветер пахучий, крылатый..
Пушок тополиный влетает в палаты..
Вхожу, а в палате уныло, темно,
На столике блюдце окурков полно.
И голос глухой заклиняет меня:
«Уйдите, сестрица, не надо огня».

А мы-то, а мы-то не спали ночами
И с ложечки чаем поили вначале,
И старый хирург, приходя, его сам,
Как мальчика, гладил по волосам...

Мы так добивались веселого взгляда..
А нынче молчит он, и света не надо..
А окна раскрыты, и, пухом пыля,
За окнами плещутся тополя,
И вечер сочится густой темнотой.
...Недоброе сердце у девушки той.

ТАКАЯ ЖЕ, КАК ОНА

Дождь стучит по железу крыши,
И, хотя мы с тобой вдвоем,
Говоришь ты как можно тише
О недавнем пути своем.

Об изрытой сырой полянке,
Где ты принял неравный бой,
И о том, как в сожженном танке
Был спасен боевой судьбой.

Как ты, кожи сдирая клочья,
Тяжкий люк приоткрыл потом,
Запах гари и холод ночи
Опаленным глотая ртом.

Говоришь, а глаза потухли,
Будто жизни совсем не рад...
В коридоре шаркают туфли,
Костыли в тишине гремят.

И я знаю, я знаю, знаю,
Что не рана твоя болит,
Что больнее, чем рана злая,
Слово горькое — инвалид.

И другое я знаю тоже:
Как, ладони прижав ко лбу,
Ты над карточкой непохожей
По ночам пытаешь судьбу.

Не пытай, не грусти, не надо.
Верь, подруга тебе верна,
Как я встрече была бы рада,
Я — такая же, как она.

Как тосклив одинокий вечер,
Как дорога моя темна,
Как ждала бы я этой встречи,
Я — такая же, как она...

САЛЮТ

Мы час назад не думали о смерти.
Мы только что узнали: он убит.
В измятом, наспех порванном конверте
На стуле извещение лежит.

Мы плакали. Потом молчали обе.
Хлестало в стекла дождиком косым...
По-взрослому нахмурился круглый лобик,
Притих ее четырехлетний сын.

Потом стемнело. И внезапно, круто
Ракетами врезаясь в вышину,
Волна артиллерийского салюта
Тяжелую качнула тишину.

Мне показалось, будет очень трудно
Сквозь эту боль и слезы видеть ей
Цветенье желтых, красных, изумрудных
Над городом ликующих огней.

Но только я хотела синей шторой
Закрыть огни и море светлых крыш,
Мне женщина промолвила с укором:
«Зачем? Пускай любитесь малыш».

И, помолчав, добавила устало,
Почти уйдя в густеющую тьму:
«...Мне это все еще дороже стало —
Ведь это будто памятник ему».

ВСТРЕЧА

С поля наплывает горечь донника —
Запах лета, жаркий и сухой.
На закате охает гармоника
Над стеклянно-розовой Окой.

Пыльным взездом проплелись подводы,
Разошелся по домам народ,
От конторки, баламутя воду,
Отвалил на Горький пароход.

И тогда не тихо и не скоро,
Будто встрече будущей не рад,
Поднялся, прихрамывая, в гору
С фронта возвратившийся солдат.

Далеко ему еще до дома,
И другой туда, пожалуй, путь,
Только очень к девушке "знакомой"
Хочется солдату заглянуть.

Снова к сердцу подступило прошлое,
Сжались от обиды кулаки.
Девушка простилась по-хорошему
И не написала ни строки.

Позабыла девушка, наверное,
Вечера на отмелях Оки,
Поглядеть бы ей в глаза неверные
И уйти, не протянув руки.

Он курчавой тропкою проходит.
За ноги цепляется вьюнок...
Бабка свеклу полет в огороде —
Окрикает: «Заходи, сынок!»

До чего же это все родное,
Даже не задетое бедой!
В темных сенцах кадка с ледяною
Сладкою колодезной водой.

Зеленеет свет на подоконнике
Сквозь густую пыльную листву,
На комодѣ каменные слоники
Выстроены в ряд по старшинству.

Над комодом в рамках и без рамок
Полняныхъ фотографий ряд —
Дедовских, отцовских, тех же самых,
Что висели тридцать лет назад.

И внезапно щеки побелели:
Не замеченная до сих пор
Девушка в пилотке и шинели
Посмотрела со стены в упор.

ФИАЛКИ

Был теплый день. Кричали галки.
Мальчишка, ясноглаз и рус,
Срывал в березняке фиалки
И клал их в дедовский картуз.
Он так был счастлив, отыскав
Семью душистых, мокрых, милых,
С тончайшей сетью темных жилок
На лиловатых лепестках.
Он шел домой.
А на дороге
Чужой, с винтовкой на весу,
Сказал ему: «Чего ты бродишь?
Чего ты шляешься в лесу?»
Взял за руку. Пошли, свернули.
Но мальчик вырвался из рук,
Забыв, что существуют пули,
И, слыша только сердца стук,
Нырнул в кустарник легкий, быстрый.

И раньше, чем беду постиг,
Скорее, чем умолкнул выстрел,
На молодой траве затих.
Лежит в кустах застывший, жалкий,
И глаз мертва голубизна...

И вот опять пришла весна.
Опять в лесу цветут фиалки.
Опять теплынь. Но все не так,
Все иначе — ясней и краше.
Враг далеко. Все это наше:
И лес, и тропы, и овраг,
И песня робкого щегленка,
И брызги света без числа,
И прошлогодняя воронка,
Что лопухами заросла.
Цветы, роса — все наше это.
И с каждым часом горячей
Касанья солнечных лучей.

А мальчик не увидит лета.

ПИСЬМО

Хмуро встретили меня в палате.
Опльвала на столе свеча.
Человек метался на кровати,
Что-то исступленное крича.

Я из стиснутой руки солдата
Осторожно вынула сама
Неприглядный, серый и помятый
Листик деревенского письма.

Там, в письме, рукою неумелой
По-печатному писала мать,
Что жива, а хата погорела
И вестей от брата не слышать.

Что немало горя повидали,
Что невзгодам не было конца,
Что жену с ребенком расстреляли,
Уходя, у самого крыльца.

Побледневший, тихий и суровый
В голубые мартовские дни
Он ушел в своей шинели новой,
Затянув скрипучие ремни.

В коридоре хрустнул пол дощатый,
Дверь внизу захлопнулась звеня.
Человек, не знающий пощады,
Шел вперед, на линию огня.

Шел он, плечи крепкие сутуля,
Нес он ношу — ненависть свою.
Только бы его шальная пуля
Не задела где-нибудь в бою...

Только не рванулась бы граната,
Бомба не провыла на пути,
Потому что ненависть солдату
Нужно до Берлина донести!

ПТИЦА

Бои ушли. Завесой плотной
Плывут туманы вслед врагам,
И снега чистые полотна
Расстелены по берегам.

И слышно: птица птицу кличет,
Тревожа утреннюю стынь.
И бесприютен голос птичий
Среди обугленных пустынь.

Он бьется, жалобный и тонкий,
О синеву речного льда,
Как будто мать зовет ребенка,
Потерянного навсегда.

Кружит он в скованном просторе,
Звения немислимой тоской,
Как будто человечесь горе
Осталось плакать над рекой.

ГОРОДОК

Не прозвучит ни слово, ни гудок
В развалинах, задохшихся от дыма.
Лежит убитый русский городок,
И кажется — ничто непоправимо.

Еще в тревожном зареве закат
И различимы голоса орудий,
А в городок уже приходят люди.
Из горсти пьют, на дне воронки спят.

И снова дым. Но дым уже другой —
Теперь он пахнет теплотой и пищей.
И первый сруб, как первый лист тугой,
Из черного выходит корневища.

И медленная светлая смола,
Как слезы встречи, катится по стенам.
И верят люди: жизнь благословенна,
Как бы она сурова ни была!

БЕЖЕНЕЦ

Он из теплушки на траву горячую
По-стариковски спрыгнул тяжело.
В косых лучах столбы вдали маячили,
И все в степи жужжало и цвело.

Внезапная прохлада наплывала,
Вода журчала в чаще ивняка,
И эту воду пили у привала
И брали в чайник вместо кипятка.

Старик лежал, глазами безучастными
Следя за колыханьем колоска.
Десятками травинок опоясанный,
Зеленый мир качался у виска.

Июльский воздух, раскаленный, зримый,
Над степью тек. Старик лежал на дне.
Все, не касаясь, проходило мимо.
Он жил все там — в своем последнем дне.

Такое же вот солнце заходящее,
Бормочущего сада забытье,
Мычанье стада и в кустах блестящее
Днестровское тяжелое литье.

От памяти нам никуда не деться,
Не выжечь в мыслях прошлого огнем,
Но если лучше в прошлое взглядеться,
Увидеть можно будущее в нем.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ветер тучи, свирепея, рвет,
Горизонт отяжелел дождем.
Поворот, и снова поворот,
А за сотым поворотом — дом.

Глухо рухнул громовой раскат,
Хлынул ливень, белый и прямой.
Но с дороги не свернул солдат —
Возвращается солдат домой!

По оврагам кружится плетень.
Хорошо дойти бы до зари!..
В шуме ливня угасает день,
Прыгают по лужам пузыри.

Поворот... И снова поворот...
Крыша будет издали видна,
Ясень яснолистый у ворот.
Вот она и кончилась — война!

Реже дождь... За лугом вдалеке
Зажелтела узкая зоря,
Заплескались гуси на реке,
На своем наречье говоря.

Вот и мостик — скользкая доска.
Вот калитка, вот вошел во двор,
Вот ласкает грубая рука
Дорогой мальчишеский вихор.

Весь он ветром и правой пропах,
Выгоревший на припеке чуб.
Руки на плечах, и на губах
Теплота ребячьих мягких губ.

А жена выходит на крыльцо,
За ручонку девочку держа.
Побеледо у бойца лицо,
Почернела у бойца душа.

ВОЛОГОДСКАЯ
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
Обл. Библиотека

«Здравствуй, ненаглядная жена!
Видно, женам весела война!
Как, скажи, без мужа прожила,
Как, скажи, дочурку назвала?»

Тихими зарницами света,
Иссякает дальняя гроза.
«Называла девочку не я, —
Я отца не видела в глаза!

Может, он в дозор с тобой ходил;
Может, он с тобой в землянке жил;
Может, он тебе, когда привал,
Песни пел и прикурить давал.

Речь твоя обидна и горька,
Нет на свете твоего дружка...
Девочка глупа еще, мала, —
Нынче все отца домой ждала».

Помолчала... Невеселый взгляд
Отвела она от мужа прочь.
И тогда шагнул к жене солдат
И сказал сурово: «Дай мне дочь!»
.....
.....

Мирное домашнее тепло,
Позабывтый за войну уют,
Одиноко стучая в стекло,
Капли запоздалые снуют.

И лежат за окнами поля —
Тихие, раздольные края.
И вздыхает вольная земля —
Мокрая, прогретая, своя!

В ЛЕСУ

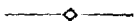
Навстречу сосны. Нет конца им...
День ярче, выше, горячей,
Но хвойный кров непроницаем
Для ливня солнечных лучей.

Лишь кое-где во мраке вкраплен
Как будто золота кусок.
И с веток солнечные капли
Сочатся в розовый песок.

В лесу торжественно и тихо...
Но я не слышу тишины, —
Еще не умер отзвук дикой,
Железной музыки войны.

И с молодой березкой рядом,
Ее шуршанием одет,
Стоит расщепленный снарядом
Сосны обугленный скелет.

2. Осень 1941 года

НОЧНАЯ ТРЕВОГА

Знакомый, ненавистный визг...
Как он в ночи тягуч и режущ!
И значит — снова надо вниз,
В неведенье бомбоубежищ.

И снова поиски ключа,
И дверь с задвижкой тугою,
И снова тельце у плеча,
Обмякшее и дорогое.

Как назло, лестница крута, —
Скользят по сбитым плитам ноги;
И вот навстречу, на пороге —
Бормочущая темнота.

Здесь времени потерян счет,
Пространство здесь неощутимо,
Как будто жизнь, не глядя, мимо
Своей дорогою течет,

Горячий мрак, и бормотанье
Вполголоса. И только раз
До корня вздрагивает зданье,
И кто-то шопотом: «Не в нас».

И вдруг неясно голубой
Квадрат в углу, на месте двери:
«Тревога кончилась. Отбой!»
Мы голосу не сразу верим.

Но лестница выводит в сад,
А сад омыт зеленым светом,
И пахнет резедой и летом,
Как до войны, как год назад.

Идут на дно аэростаты,
Покачиваясь в синеве.
И шумно ссорятся ребята,
Ища осколки на примятой,
Белесой утренней траве.

В КУДИНОВЕ

Небо чисто, зелено и строго.
В закопченном, тающем снегу
Танками изрытая дорога
Медленно свивается в дугу.

Где-то на лиловом горизонте
Низкий дом, запорошенный сад...
Ты подумай только: как о фронте,
О деревне этой говорят, —

Где в то лето солнечные слитки
Падали в смолистый полумрак,
Где у сделанной тобой калитки
Как-то утром распустился мак.

Где ночами, за белесой пряжей,
Ухала унылая сова,
Где у маленькой девчурки нашей
Складывались первые слова.

Как душе ни трудно и ни тяжко,
Все равно забыть я не могу
Шелковую мокрую ромашку,
Девочку на солнечном лугу.

Как теперь там странно, незнакомо,
Каждый куст на прежний не похож,
Как, наверное, страшна у дома
Пулемета бешеная дрожь.

Как, наверное, угрюм и мрачен,
Слыша дальний, все растущий вэй,
У калитки старой нашей дачи,
Стиснув зубы, ходит часовой.

РАЗГОВОР С МОСКВОЙ

В Москве тревога — это знали все,
И ждали долго, хмуро и упорно.
Врывались ветки в матовой росе
В открытое окно переговорной.
Уже светало. Где-то вдалеке
Кричал петух. Людей ко сну клонило.
Телефонистка в вязаном платке
Мой номер первым вызвала лениво.
В кабине было душно и темно.
Твой голос вдруг раздался где-то рядом.
Гнездо мое... Не тронута оно,
С его окном, с его осенним садом.
Ты мне сказал: «Сейчас спустился вниз».
Я поняла: ведь я с тобой стояла

Всю ночь, пока стучало о карниз
Осколками горячего металла.
Но разговор был короток и сух.
Я не сказала ничего, что надо.
И как сумеешь передать на-слух
Тепло руки, касанье губ и взгляда!..
И все равно, я знала: ты живешь.
Пришел рассвет, умолкнули зенитки.
Одолевая утреннюю дрожь,
Ты режешь хлеб и греешь чай на плитке.
А я иду по утренней росе,
За крышами — серебряная Волга,
Грузовики грохочут по шоссе,
Кричит буксир настойчиво и долго.
И это — жизнь. И мы пройдем по ней.
Наш путь один, и счастье наше — тоже.
В крови, в пыли — и тем еще родней,
В опасности — и тем еще дороже.

УТРО

Еще, наверно, в сумраке глухом
Луна глядит на город желтым оком,
Еще рассвет неопытным штрихом
Не обозначил затемненных окон,
А мне не спится. Время истекло,
И, прогоняя образы ночные,
Посыпались в дремотное тепло,
Как медленные льдинки, позывные.
Мне слышно все за тонкою стеной.
Как «Широка страна моя родная...»,
Течет по сердцу струйка ледяная:
Что сделали с родной моей страной!
О, этот звонкий холод по утрам,
Когда темно и день еще не начал!

А надо жить. Как дует в щели рам,
Как осень в трубах по-ребячьи плачет!
Встаю. Иду. Растапливаю печь.
Дрова шипят. Они опять потухли.
Как едок дым, как прудно мне разжечь
Чужую печь в чужой холодной кухне!
Квадрат окна теперь невнятно сия.
Рассвет вползает нехотя и хмуро.
Колючий дождь царапает карниз,
В сенях молчат нахохленные куры.
Я прихожу с расплесканным ведром,
Дыханьем грею синие ладони.
Как я давно покинула мой дом!
Но я уже не думаю о доме.
Все, что когда-то было мне дано,
Опять встает, с ненастным утром споря,
И так уж, видно, людям суждено —
О счастье помнить в самом горьком горе.
И вот я вижу первую траву,
Несмелую, в еще прозрачном парке.
Москва-реки рябую синеву
Избороздили хрупкие байдарки.
Сбегаю вниз... По ветру легкий флаг
Полощется над пристанью резною,
Но вход закрыт, и непросохший лак
Слепит глаза полдневной белизною.
Москва моя! Недобрые леса
От глаз моих надолго заслонили
Твоих домов янтарные глаза,
Твоих мостов негнущиеся крылья,
Нескучный сад в торжественной парче,
И то шоссе, что мне все время снится,
И первый снег, как перья белой птицы,
У Пушкина на бронзовом плече.
...Я позабыла, что в Москве темно.

ДОРОГА

До города двенадцать километров.
Шоссе как вымерло, — ни человека...
Иду одна, юглохшая от ветра,
Перехожу взлохмаченную реку.
Мы на реке с тобой бывали вместе,
Когда-то шли по этой вот дороге...
Как увязают в чавкающем тесте
Усталые по непривычке ноги.
Как больно хлещут ледяные плети,
Какой пронзительный, угрюмый вечер,
И ни огня на целом божьем свете,
И от мешка оцепенели плечи.
В нем розовая крупная картошка,
Пронизанная сыростью осенней.
Приду и стукну в крайнее окошко,
И мать с огарком отопрет мне сени.
Огонь запляшет, загудит в железке,
Вода забулькает. А я раскрою дверцу
И сяду возле. И при жарком блеске
Письмом вчерашним отогрею сердце.
И долгий путь сквозь мокрое ненастье
Осенней ночью — хриплой и бездомной —
Мне кажется ничтожно малой частью
Одной дороги — общей и огромной.

ПИСЬМО

Летел сквозь бурю лунный круг,
И ветер тучи рвал.
Письмо мне передал твой друг
Проездом на Урал.

Спеша, конверт, промокший весь,
Я тут же сорвала.
И не могла письма прочесть —
Такая тьма была.

И только свет, неверный свет
Октябрьской луны
Упал на маленький портрет
С летящей вышины.
И поняла я по чертам
Неясного лица,
Что ты, конечно, будешь там
До самого конца.
И пожалела об одном:
Что, разный путь у нас,
Что я не в городе родном
В такой тяжелый час.

ОКТАБРЬ 1941 ГОДА

Оправлен город в золото и медь.
С утра дымки над крышами толпятся.
Беспечный день. Как может он смеяться,
Как смеет в листьях пурпуром гореть?
Как солнце в небе не потупит взгляда,
Когда такое горе у дверей,
Когда ни света, ни тепла не надо,
Когда к Москве подходит канонада,
Тяжелый гром немецких батарей?
Мне кажется, он медленно сочится
В безветрие чужого городка.
Но полдень тих, щебечет мирно птица,
Висит листва беззвучна и ярка.
Что делать мне? Я только помнить вправе.
Я только, жить тобой не перестав,
Весь день блуждаю на границе яви,
От Кудрина до городских застав.
Мне, может быть, сюда вернуться надо б,
Здесь тоже путь по-воински суров,
А я все там — между рогатых надолб
И выкопанных москвичами рвов.

А день идет... И стоголосым звоном
Звонит в ушах бессонница. И ночь
Опять приходит новым эшелонем,
На прошлую похожая точь-в-точь.
Опять идут измученные люди,
Опять носилки, костыли, бинты,
Страданье, кровь, простреленные груди
И хриплый бред палатной темноты.
Раздача чая, и разборка почты,
И наступающий врасплох рассвет,
И теплота на сердце оттого, что
Тот, новый, спит, укрыт и обогрет.
Теперь бы лечь. На полчаса забыться.
Совсем светло. Усталость валит с ног.
А как мне спать? Мне надо торопиться,
Опять итти какой-то из дорог.
Куда итти? Зачем итти? Кто помнит?
Опять бульвары и ночной Арбат,
Метро и стены незнакомых комнат,
В глазах огни какие-то рябят...
Нет, я не сплю. Сменяются в дежурке.
Здесь госпиталь военный. Но, постой,
Зачем в цветок набросаны окурки?
Там их нельзя бросать, на мостовой.
Над площадью, умытой и студеной,
Там желтая высокая заря...
Опять идут последние колонны,
Как в тот последний праздник Октября.
Кричат «ура»... И я с трибуной рядом.
И вот, в последнем озареньи дня,
Он снова добрым утомленным взглядом
В упор с улыбкой смотрит на меня.
С Москва-реки поземка ледяная
Летит, шелка над строем теребя,
И я смеюсь от радости: «Родная
Москва моя! Он не отдаст тебя!»
Кричат «ура». В ушах звенит от крика.

Я уйду, но я вернусь опять.
Как мне спокойно. Как тепло и тихо.
Как мне смертельно захотелось спать.
А утром сводка: в первый раз — другая.

НОЧЬ

(Зима 1942 г.)

Смеясь и щуря сморщенные веки,
Седой старик немислимо давно
Нам подавал хрустящие чуреки
И молодое мутное вино.

Мы пили все из одного стакана
В пронзительно холодном погребке,
И влага, пенясь через край, стекала
И на землю струилась по руке.

Мы шли домой, когда уже стемнело
И свежей мглой потянуло с гор.
И встал до неба полукругом белым
Морскою солью пахнувший простор.

От звезд текли серебряные нити,
И на изгибе медленной волны
Дрожал блестящим столбиком Юпитер,
Как отраженье крохотной луны.

А мы купались... И вода светилась...
И вспыхивало пламя под ногой...
И ночь была, как музыка, как милость —
Торжественной, сияющей, нагой.

.....

Зачем я нынче вспомнила про это?
Здесь только вспышки гаснущей свечи,
И темный дом, трясущийся от ветра,
И вьюшек стук в нетопленной печи.

Проклятый стук, назойливый, как Морзе!
Тире и точки... точки и тире...
Окно во льду, и ночь к стеклу примерзла,
И сердце тоже в ледяной коре.

Еще темней. Свеча почти погасла.
И над огарком синеватый чад.
А воткнут он в бутылку из-под масла
С наклейкой рваной — «Розовый мускат»

Как трудно мне поверить, что когда-то
Сюда вино звенящее текло,
Что знало зной и пенные раскаты
Замасленное, мутное стекло!

Наверно, так, взглянув теперь в глаза мне,
Хотел бы ты и все-таки не смог
Увидеть снова девочку на камне
В лучах и пене с головы до ног.

Но я все та же, та же, что бывало...
Пройдет война, и кончится зима.
И если бы я этого не знала,
Давно бы ночь свела меня с ума.

ЯБЛОКИ

Ю. Р.

Ты яблоки привез на самолете
Из Самарканда лютою зимой,
Холодными, избытыми в полете
Мы принесли их вечером домой.

Нет, не домой. Наш дом был так далек,
Что я в него не верила сама.
А здесь цвела на стеклах синих окон
Косматая сибирская зима.

Как на друзей забытых, я глядела
На яблоки, склоняясь над столом,
И трогала упругое их тело,
Пронизанное светом и теплом.

И целовала шелковую кожу,
И свежий запах медленно пила.
Их желтизна, казалось мне, похожа
На солнечные зайчики была.

В ту ночь мне снилось: я живу у моря.
Над морем зной. На свете нет войны.
И сад шумит. И шуму сада вторит
Ленивое шуршание волны.

Я видела осеннюю прогулку,
Сырой асфальт и листья без числа.
Я шла родным московским переулком
И яблоки такие же несла.

Потом с рассветом ворвались заботы.
В углах синел и колыхался чад...
Топили печь... И в коридоре кто-то
Сказал: «По Реомюру — пятьдесят».

Но как порою надо нам немного:
Среди разлук, тревоги и невзгод
Мне легче сделал трудную дорогу
Осколок солнца, заключенный в плод.

* * *

Ты ложишься непривычно рано.
Прихожу, а комната темна.
Верно, спишь — я спрашивать не стану.
Света нет. И печка холодна.

Знаю, стосковалась ты по доме
Долгою сибирскою зимой.
Взять тебя бы в теплые ладони,
Отнести бы сонную домой.

Чтобы утром, как не расставались, —
Круглый столик, снимок на стене...
Все, как раньше, все — любая малость,
Издали любимая вдвойне.

Чтобы воду зажигая в кружке,
Ластясь у знакомого плеча,
Пролегли от окон до подушки
Два косых смеющихся луча.

Чтобы ты, глаза от света жмуря,
Озадаченная тишиной,
Поняла, что отгремела буря,
Что прошла, не тронув, стороной.

За тебя, за твой беспечный вечер,
За покой усталого лица
Всю бы тяжесть я взяла на плечи
И дошла бы с нею до конца.

За окном морозного тумана
Мутная глухая пелена.
Я тебя обманывать не стану:
Продолжается война.

ДОМОЙ

Сквозь дрему глухую, предутренний сон
Я чувствую: поезд идет под уклон.
Прильнула к окну шелестящая муть,
Легчайшим изгибом свивается путь.

И в свете февральских расплывчатых звезд
В двенадцать пролетов над Волгой мост.

В мерцанье рассвета уходит река.
Лесами скользит эшелона змея.
На запад, на запад, где дремлет Москва,
Где в облаке сизом — родная моя.

Я завтра увижу покинутый дом,
Я завтра приду к дорогому крыльцу, —
Приду и немного помедлю на нем,
Дорожный платок прижимая к лицу.

Я вспомню о щелях в садовой тени,
О вое тревог по ночам и о том,
Как мы в беспокойные первые дни
Полоски на стекла клеили крестом.

И самое горькое вспомнится мне:
Взволнованный, людный, вечерний вокзал,
И небо в щемящем закатном огне,
И что мне любимый, целуя, сказал.

Мне этого часа вовек не забыть.
Да разве мы прежде умели любить?
Да разве мы знали, что значит война,
Как будет разлука горька и длинна?
...На запад скользит эшелона змея,
Все ближе мой город, отчизна моя!

* * *

Вот и город. Первая застава.
Первые трамваи на кругу.
Очень я, наверное, устала,
Если улыбнуться не могу.

Вот и дом. Но смотрят незнакомо
Стены за порогом дорогим.
Если сердце не узнало дома,
Значит, сердце сделалось другим.

Значит, в сердце зажилась тревога,
Значит, сердце одолела грусть.
Милый город, подожди немного, —
Я смеяться снова научусь.

3. Стихи о дочери

1

Душная, безлунная
Наступила ночь.
Все о сыне думала,
А сказали: «Дочь».

Хорошо мечтается
В белизне палат...
Голубые лампочки
У дверей горят.

Ветер стукнул форточкой,
Кисею струя.
Здравствуй, милый сверточек,
Доченька моя!

Все такое синее,
На столе — цветы.
Думала о сыне я,
А родилась — ты.

Ты прости, непрошенный,
Ежик сонный мой,
Я тебя, хорошую,
Отвезу домой.

Для тебя на коврике
Вышита коза,
У тебя, наверное,
Синие глаза...

Ну... а если серые —
Маме все равно.

Утро твое первое
Смотрится в окно.

II

Мне с каждым днем милее ты:
Все тверже взгляд, все звонче лепет,
Как будто новые черты
Рука невидимая лепит.

Ночник... И тени на стене...
Мне часто по ночам не спится.
Вот шевельнулись в полусне
Твои спокойные ресницы.

Ты просыпаешься. И, где б
Я ни была, зовешь в испуге.
И пух волос твоих нелеп,
Как у нахохленной пичуги.

И так похожи на цветы
Румянец щек, и мягкость лапок,
И пухлость губ, и милый запах
Ребячьей сонной теплоты.

III

Ты счета не ведешь годам,
Встречая только третье лето.
Твоих мгновений череда
Туманом солнечным одета.

Уколы маленьких обид
Тебя еще не могут ранить,
И огорчений не хранит
Твоя ребяческая память.

И, милой резвости полна, —
Как знать ребенку тяжесть ноши? —
Ты слово новое — «война» —
Лепечешь, хлопая в ладоши.

IV

Вагон бросало и качало.
Молчали все. А вечер гас.
И каждый знал: еще начало,
Еще неясный первый час.

Казалось мне: за далью алой
Гремят грядущие бои...
Но как бессильно я сжимала
Ручонки пыльные твои!

А после ночь. Без искры света
Свершался необычный путь.
Скажи, ответь, — ты помнишь это?
И если помнишь — позабудь.

Живи, цветам и песням рада,
Смеясь, горюя и любя,
А помнить этого не надо:
Я буду помнить за тебя.

V

Тревога. Грусть. Приходит почтальон —
 Ни весточки о милом человеке...
 А городок метелью занесен
 До самых крыш. И, кажется, навеки.

Наш новый дом в сугробах под горой,
 К нему бежит петлистая дорожка,
 В нем есть окно за ледяной корой,
 Печурка есть, горячая картошка.

Есть девочка. Зеленые глаза,
 Лукавый рот и бантик цвета мака.
 Есть девочка. При ней нельзя заплакать,
 При ней нельзя о горьком рассказать.

Она поймет. С недетской теплотой
 Ладонки мягкие ко мне на плечи лягут...
 Нельзя при ней, при маленькой такой, —
 Ей рано знать печаль житейских тягот.

Я напишу ей буквы на листе,
 Я нарисую зайчика в тетради.
 Я засмеюсь — ее улыбки ради.
 Я буду плакать после, в темноте...

VI

Суровый год. В траве чернеют щели,
 Но дни июня ветрено свежи.
 Опять шумят разлапистые ели,
 И чертят небо легкие стрижи.

Орлы сидят за ржавую решеткой,
Полуприкрыв окаменелый взгляд.
Кричит павлин, барсук ютится кроткий
Среди смешных мохнатых медвежат.

Иду с тобой по парку не спеша я,
Над нами листьев солнечная дрожь...
Когда-нибудь ты вырастешь большая
И эти строки снова перечтешь.

Как взмах крыла, как искра в синем дыме,
Они опять пересекут твой путь.
Они тебе покажутся простыми,
Далекими, наивными чуть-чуть.

И все-таки ты радостно и мило
Лукавый свой на миг потупишь взгляд, —
Совсем как та, которая ходила
По воскресеньям с мамой в зоосад.

VII

А круг все ширится. В него вовлечены
Природа, люди, города и войны.
Теперь ей книжки пестрые нужны.
Упав, она не говорит, что больно.

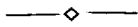
Не любит слово скучное «нельзя»,
Все льнет ко мне, работать мне мешая.
Как выросла! Совсем, совсем большая, —
Мы с ней теперь хорошие друзья.

Она со мною слушает салюты,
Передвигает красные флажки
И, Прут найдя на карте в полминуты,
Обводит пальцем гиточку реки.

Понятлива, пытлива и упряма.
На многое ответы ей нужны.
Она меня спросила как-то: «Мама,
А было так, что не было войны?»

Да. Было так. И будет, будет снова.
Как хорошо тогда нам станет жить!
Ты первое услышанное слово
Еще успеешь в жизни позабыть.

4. Лирика

* * *

Помню празднество ветра и солнца,
Эти лучшие наши часы,
И ромашек медовые донца,
Побелевшие от росы.

Помню ржавые мокрые листья
В полусвете угасшего дня.
Горьких ягод юзябшие кисти
Ты с рябины срывал для меня.

Помню, снежные тучи повисли,
Их кружила седая вода.
Все улыбки, и слезы, и мысли
Я тебе отдавала тогда.

Я любила и холод вокзала
И огней исчезающий след...
Я, должно быть, тогда еще знала —
Так рождается песня на свет.

* * *

I

У каждого есть в жизни хоть одно,
Свое, совсем особенное место.
Припомнишь двор какой-нибудь, окно,
И сразу в сердце возникает детство.

Вот у меня: горячий косогор,
В ромашке весь и весь пропахший пылью,
И бабочки. Я помню до сих пор
Коричневые с крапинками крылья.

У них полет изменчив и лукав,
Но от погони я не уставала —
Догнать, поймать во что бы то ни стало,
Схватить ее, держать ее в руках!

Не стало детства. Жизнь суровой, строже.
А все-таки мечта моя жива:
Изменчивые, яркие слова
Мне кажутся на бабочек похожи.

Я до рассвета по ночам не сплю,
Я, может быть, еще упрямей стала —
Поймать, схватить во что бы то ни стало!
И вот я их, как бабочек, ловлю.

И с каждым разом убеждаюсь снова
Я в тщетности стремленья своего —
С пылью стертый, тускло и мертво
Лежит в ладонях радужное слово.

II

Нельзя о слове, как о мотыльке!
Ты прав. Я вижу: на заре бессонной,
Как золото, блестяще и весомо,
Лежит оно в неверящей руке.

А после друг нагонит по следам
Старателя с неожиданною находкой,
Оценит цвет и тяжесть самородка
И равнодушно скажет: «Колчедан».

III

Когда-то я любимого ждала,
Единственного нужного на свете!
Тогда был май, черемуха цвела,
В окно влетал студеной горький ветер.

Был лунный сад в мерцающем снегу;
Он весь дышал, смеялся веткой каждой,
А мне казалось — больше не смогу!
Но я тогда другой не знала жажды!

Он не пришел. Зазеленел рассвет.
Истлели звезды. Звякнула синица.
И вот теперь мне, кажется... Но нет,
Ничто с моей тоскою не сравнится,

Когда слова теснятся в темноте,
Уходят, кружат и приходят снова,
Ненужные, незванные, не те,
И нет нигде единственного слова!

Нет, и это на правду совсем не похоже —
Облетает пыльца, и уходят друзья.
Жить без бабочек можно,
Без золота — тоже,
Без любимого — тоже, —
Без песни — нельзя

* * *

Словно засыпающий ребенок,
Бормотал невнятное родник.
И казался трогательно тонок
Полумесяц, вышедший на миг.

Помнится неловкое объятье
У приволжских шелковистых ив,
И как долго не могла понять я,
Отчего со мной ты молчалив.

.

Как невесел месяц на ущербе,
Как поля озябшие пусты,
Как мертвы на постаревшей вербе
Свернутые в трубочку листья!

Мы с тобою тоже постарели:
Каждому дорога нелегка...
От шершавого сукна шинели
Разгорелась у меня щека.

Но спроси, и я тебе отвечу,
Что за встречу, посланную нам,
За подаренный судьбою вечер
Я любую молодость отдам.

РАЗЛУКА

В руке сжимая влажные монеты,
Я слушаю с бессмысленной тоской,
Как в темноте, в слепом пространстве где-то,
Звонок смеется в комнате пустой.

Я опоздала. Ты ушел из дома.
А я стою — мне некуда идти.
На ветровой простор аэродрома
В такую ночь не отыскать пути.
И я шепчу сквозь слезы: «До свиданья!
Счастливым путь, любимый человек!»
Ничтожная минута опоздания
Мне кажется разлукою навек.

II

Утром на пути в аэропорт
Улицы просторны и пусты.
Горизонт туманом полустерт,
Розовеют почками кусты.
Вся в росе, младенчески мягка
Вдоль шоссе топорщится трава.
В сердце с ночи забралась тоска —
Каждая разлука такова.
На перроне — голубой забор,
Тени бродят, на песке скользят..
Дальше — ветер, солнце и простор.
Дальше провожающим нельзя.
В облаках, стихая, как струна,
«Дуглас» чертит плавный полукруг.
Радость встреч была бы не полна
Без щемящей горечи разлук.
За разлукой есть далекий час.
Как мы станем ждать его с тобой!..
Он всегда приходит в первый раз,
Заново подаренный судьбой.

* * *

Спокойный вечер пасмурен и мглист.
Не слышно птиц среди древесных кружев.
Пустынна улица. Последний ржавый лист
В морозном воздухе легчайший ветер кружит.

Любимая осенняя пора.
На облаках — сиреневые блики,
На светлых лужицах каемка серебра.
И над землей — покой, безмерный и великий

Как живо все: и эта тишина,
И мягкий полог облачных волокон...
Как пристально в глаза людей война
Глядит пустыми впадинами окон.

* * *

Настойчивой стайки воспоминаний
Никак мне нынче не отогнать.
Глаза закрываю, а все в тумане
Балтийской зари золотится прядь.

И тучи, курчавясь, несутся мимо...
И ветер крепчает, волну дробя.
Ты прежде всегда меня звал любимой,
А я не любила, помню, тебя.

Нет. Наши дороги легли не рядом.
Зачем же столько суровых дней
Все чудится мне, как воют снаряды,
Как свищут пули над жизнью твоей?

И мысль пробирается дымной чащей,
По скалам и топям, сквозь ночь и муть.
Я нынче бываю с тобою чаще,
Чем прежде бывала когда-нибудь.

Все нынче другое — души и лица,
Другая радость, другой покой...
Я так бы хотела тебе присниться
Не той, не прежней... совсем другой.

* * *

Ты мне чужой — не друг и не любимый,
Из краткий час мы жизнью сведены.
Ты видел смертью взрытые равнины,
А я такой не видела войны.

Горит в пылинках солнечное утро,
Мерцает зной... И мы одни с тобой.
Ты так в глаза мои глядишь, как будто
Они полны водою ключевой.

Глядишь в глаза, молчишь, сутуля плечи,
Рука твоя робка и горяча...
Что я скажу? Как я тебе отвечу?
Ты вправе пить из каждого ключа.

Но как бы сердце правдою ни сжалось,
Я все равно ее не утаю:
Ты ласки ждешь, а ласки не осталось;
Ты ждешь любви — она с другим в бою.

* * *

Резкие гудки автомобиля,
Сердца замирающий полет.
В облаках белесой крымской пыли
Прячется нежданный поворот.

Полны звона выжженные травы.
Ветром с губ уносятся слова.
Слева склоны, склоны, а направо —
Моря сморщенная синева.

Ветер все прохладнее. Все ближе
Дальних гор скалистое кольцо.
Я еще до сумерек увижу
Ваше загорелое лицо.

Но когда б в моей то было власти,
Вечью путь я длила б, оттого
Что минуты приближенья к счастью
Много лучше счастья самого.

НОЧЬ

Ночь, как быть мне и как рассчитаться с тобою
За холодный закат, за асфальт голубой,
За огни, за твое колдовство молодое
Над речной, смоляной, шелестящей водой?

Набегающий дождь, фонари и скольжение
Маслянистых разводов по руслу реки...
Ты пришла, как внезапное опровержение
Всех сомнений моих, всей тоске вопреки.

Глухо плещет вода о бетонное ложе.
Дождь рванулся по крышам. Уныло, темно...
Да... И все-таки так ты на счастье похожа,
Что мне кажется — может быть, это оно.

* * *

Да, ты мой сон. Ты выдумка моя.
Зачем же ты приходишь ежечасно,
Глядишь в глаза и мучаешь меня,
Как будто я над выдумкой не властен?

Я позабыла все твои слова,
Твои черты и годы ожиданья.
Забыла все. И все-таки жива
Та теплота, которой нет названья.

Она, как зноя ровная струя,
Живет во мне. И как мне быть иною?
Ведь если ты и выдумка моя —
Моя любовь не выдумана мною.

* * *

И знаю все, и ничего не знаю...
И не пойму, чего же хочешь ты,
С чужого сердца с болью отдирая
Налегших лет тяжелые пласты.

Трещат и рвутся слутанные корни.
И вот, не двигаясь и не дыша,
Лежит в ладонях, голубя покорней,
Тобою обнаженная душа.

Тебе дозволена любая прихоть.
Но быть душе забавою не след.
И раз ты взял ее, так посмотри хоть
В ее глаза, в ее тепло и свет.

ОЖИДАНИЕ

От фонаря щемящий свет.
На тротуаре — листьев груды.
Осталась, верно, с детских лет
Потребность эта — верить в чудо.

Твои дороги далеки,
Неумолимы расстоянья,
А я, рассудку вопреки,
Все жду случайного свиданья.

Чернеет глубина ворот,
И холод облегает плечи.
Мне кажется: кто так вот ждет,
Когда-нибудь дождется встречи.

ДРУГУ

Ни прошлого мучительное жало,
Ни ревности бессмысленная власть.
Бывают дни, когда любовь устала
И прячется, не грея, не лучась.

В такие дни, когда на сердце скука,
А в голосе осенний холодок,
Нам кажется возможно разлука,
И тень ее ложится на порог.

Мой старый друг, не трогай нити тонкой
(Что порвано — нельзя соединить),
Но сбереги, как берегут ребенка,
Который при смерти, но должен жить.

ЧИЖ

Я зерна сыпала чижу
И воду в блюдце наливала.
Мне было... Сколько — не скажу, —
Я до окна не доставала.

Я подставляла, помню, стул,
Чижу просовывала ветку,
А чтобы вечером уснул,
Платком завешивала клетку.

Суббота. Чистые полы.
Часы далеких колоколен.
И стекла празднично светлы.
А чиж молчит, угрюм и болен.

Закат ползет по скатам крыш;
Звеня, о стекла бьется муха...
В моих ладонях мертвый чиж.
Не птица, нег, — комочек пуха.

И не доступная уму
Тоска, сжимающая горлю...
Сама не знаю почему,
Но время этого не стерло.

Я помню: приоткрыта дверь,
И луч дрожит на этой двери..
Мне только, может быть, теперь
Понятной стала та потеря.

ОСЕНЬ

Нынче улетели журавли
На заре промозглой и туманной.
Долго, долго затихал вдали
Разговор печальный и гортанный.

С коренастых вымокших берез
Тусклая стекала позолота;
Горизонт был ровен и белес,
Словно с неба краски вытер кто-то.

Тихий дождь сочился без конца
Из пространства этого пустого..
Мне припомнился рассказ отца
О лесах и топях Августова.

Ничего не слышно о тебе.
Может быть, письмо в пути пропало,
Может быть... Но думать о беде —
Я на это не имею права.

Ныгче улетели журали...
Очень горько провожать их было.
Снова осень. Три уже прошли...
Я теплее девочку укрыла.

До костей пронизывала дрожь,
В щели окон заползала сырость...
Ты придешь, конечно, ты придешь
В этот дом, где наш ребенок вырос.

И о том, что было на войне,
О своем житье-бытье солдата
Ты расскажешь дочери, как мне
Мой отец рассказывал когда-то.

КОСТЕР

Чахлый лес, сквозной, багряно-рыжий,
Заткан солнцем вдоль и поперек.
Как сейчас я этот полдень вижу,
Красный от брусники бугорок.

Корчится атласная берёста
На почти невидимом костре.
Мне с тобою весело и просто,
Как девочке, школьнице, сестре.

Наверху негреющая просинь,
Зябких листьев вековечный спор.
Мы придем на будущую осень
В эту рощу разложить костер.

А на осень бушевала буря.
Ты вернулся без меня, один.
Потерялся в непривычном гуле
Лепет перепуганных осин.

И в шинели серой, с автоматом
У березовых атласных ног
Ты прилег за круглый и примятый
Красный от брусники бугорок.

И пошли, пошли пути-дороги
Колесить на тысячи ладов.
И стоишь теперь ты на пороге
Незнакомых прусских городов.

Верно, скоро выйдет срок разлуке.
И, придя в знакомые места,
Отогреем мы сердца и руки
У родного русского костра.

ТРОПИНКА

Ночами такая стоит тишина.
Стеклянная, хрупкая, ломкая.
Очерчена радужным кругом луна,
И поле дымится поземкою.

Ночами такое молчанье кругом,
Что слово доносится всякое,
И скрипы калиток, и как за бугром
У проруби ведрами звякают.

Послушать, и кажется: где-то звучит
Железная разноголосица.
А это все сердце стучит и стучит —
Безрячее сердце колотится.

Тропинка ныряет в пыли голубой,
В глухом полыхании месяца.
Пойти по тропинке — и можно с тобой,
Наверное, где-нибудь встретиться.

ВЕСНА

Туч взъерошенные перья.
Плотный воздух сыр и сер.
Снег, истыкающий капелью,
По обочинам осел.

И упорный ветер с юга,
На реке дробящий льды,
Входит медленно и туго
В прочерневшие сады.

Он охрипшей грудью дышит,
Он проходит напролом,
По гремящей жестью крыше,
Тяжко хлопает крылом.

И кипит волна крутая
С каждой ночью тяжелей,
Сок тягучий нагнетая
В сердцевины тополей.

Третьи сутки дует ветер,
Третьи сутки стонут льды,
Третьи сутки в целом свете
Ни просвета, ни звезды.

Краю нет тоске несносной —
Третьи сутки в сердце мрак..
Может быть, и в сердце весны
Наступают тоже так?

* * *

Еще шуршат, звенят и шепчут капли,
С листвы катясь в пахучую траву.
И каждый звук в молчанье сада вкраплен,
Как зерна звезд в ночную синеву.

Перед окном черемух горьких чащи,
Как будто вниз упали облака.
На этот мир цветущий и звенящий
Я не могу смотреть издалика.

Мне мало звезд — десятков, сотен, тысяч.
Моя тоска тревожна и остра.
Я так хочу хотя бы искру высечь
Для своего неяркого костра.

Далекие лучистые кристаллы.
Холодные небесные огни.
Мне мало звезд, мне лучших песен мало,
Когда не мною созданы они.

СОДЕРЖАНИЕ

1. КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Хирург	3
Мать	4
Музыка	5
Кукла	6
Я знаю—я клялась тогда...	7
Мы ждали ее.	8
Такая же, как она	—
Салют	10
Встреча	—
Фиалки	12
Письмо	13
Птица	14
Городок	15
Беженец	16
Возвращение	—
В лесу	19

2. ОСЕНЬ 1941 года

Ночная тревога	20
В Кудинове	21
Разговор с Москвой	22
Утро	23
Дорога	25
Письмо	—
Октябрь 1941 года	26
Ночь (Зима 1942 г.)	28
Яблоки	29

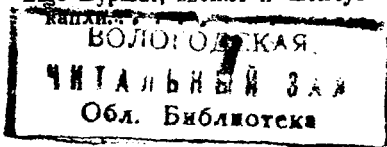
Ты ложишься непривычно рано...	30
Домой	31
Вот и город...	32

3. СТИХИ О ДОЧЕРИ

I	34
II	35
III	36
IV	—
V	37
VI	—
VII	38

4. ЛИРИКА

Помню празднество...	40
У каждого есть в жизни хоть одно	41
Словно засыпающий ребенок...	43
Разлука	—
Спокойный вечер пасмурен... .	44
Настойчивой стайки воспомина- ний...	45
Ты мне чужой...	46
Резкие гудки автомобиля... .	—
Ночь.	47
Да, ты мой сон...	—
И знаю все, и ничего не знаю.	48
Ожидание	—
Другу	49
Чиж	—
Осень	50
Костер	51
Тропинка	52
Весна	53
Еще шуршат, звенят и шепчут капли...	54

п. 53 г.

56

цена 2 руб.

